

Женя Гравис

Лев Брусилов

Александра Давалье

Дарья Эпштейн

Дарья Кузнецова

Тимур Суворкин

Виктор Дашкевич

Игорь Евдокимов

Осень в Российской Империи

Альтернативная Российская империя

Дарья Кузнецова

Осень в Российской империи

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кузнецова Д. Ю.

Осень в Российской империи / Д. Ю. Кузнецова — «Эксмо»,
2026 — (Альтернативная Российская империя)

ISBN 978-5-04-254577-1

Осень. Время душистых яблочных пирогов, ярмарок, уютных вечеров у камина - и пугающих мистических историй. С чем предстоит столкнуться героям после наступления сумерек? Владимиру Корсакову к подобным приключениям не привыкать, но во время расследования убийства на мануфактуре его жизнь вновь окажется на волоске. Граф Аверин приятно проведет время в кругу семьи, хотя и не избежит очередного происшествия, Дмитрий Самарин с Софьей Загорской отправятся на московскую ярмарку, а Фома Фомич раскроет очередную мистификацию. В Российской империи наступает осень.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-254577-1

© Кузнецова Д. Ю., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Женя Гравис	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Женя Гравис, Виктор Дашкевич,
Тимур Суворкин, Игорь Евдокимов,
Дарья Кузнецова, Лев Брусилов,
Александра Лавалье, Дарья Эпштейн
Осень в Российской империи**

Иллюстрации на форзаце и нахзаце *Елизаветы Третьяковой*

Внутренние иллюстрации *sontiurontiy, Kateshi Kittano, Александры Чу*

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Женя Гравис

Общество мертвых писателей

– Серьезно? Ты собираешься в ЭТОМ идти на ярмарку? – Мужчина в костюме пирата отогнул повязку, закрывающую глаз, и уставился на вошедшую девчонку со смесью изумления и растерянности.

– А в чем проблема? По-моему, это прекрасный костюм.

– Нет, разумеется, мне тоже не чужда ирония. Но тебе не кажется, что это... слишком мрачный юмор? Я помню, Виктор Гюго говорил, что с иронии начинается свобода, но этот наряд, право, чересчур прямолинеен.

– Гюго, если помнишь, жил на острове с женой и любовницей. А до этого на баррикадах сражался. Он знал, о чем говорит.

– И все же это слишком откровенно.

– А по-моему, в самый раз. – Девчонка повертелась перед большим зеркалом, взмахивая полами длинного черного балахона. Потом накинула на голову капюшон, полностью закрыв лицо с курносым носом и веснушками. – Я же не виновата, что ты живешь в начале двадцатого века и у вас еще не изобрели очки от солнца. И вообще, ты сегодня редкостный зануда. Пират? В самом деле? Ты не мог придумать что-нибудь менее банальное?

– Я полагаюсь на принцип наименьшего действия, разработанный Мопертюи и позже развитый Лагранжем. Не стоит плодить лишние сущности...

– Да-да, Расскажи мне в сотый раз про бритву Оккама.

– Если помнишь, в прошлом году я нарядился Кутузовым. И к чему это привело?

– О, полководец из тебя получился замечательный. Жаль, французы этого не оценили в полной мере.

– Я полагал, что за сто лет их болезненные переживания как-то поугасли. Людская память довольно недолговечна.

– Поверь мне, эту войну они будут помнить еще долго. Ладно, пират так пират. Хотя, повторюсь, это слишком заурядно.

– Привычка. Я стал консервативен, как видишь.

– Иногда даже чрезмерно, а это признак стагнации. Косу мне наточишь?

– А нельзя в этот раз обойтись без холодного оружия?

– Это часть реквизита! Между прочим, самая важная. Без нее я просто буду маленьким ребенком в мантии. Если ты готов – пойдём, у нас всего один день.

* * *

Сухаревская площадь уже много лет была идеальным местом для осенней московской ярмарки. Доминанту ей задавала Сухарева башня, стоявшая на углу Сретенки и Спасской-Садовой. Восьмиугольная, с острым шатром, она возвышалась на трехъярусном вытянутом постаменте, отчего сбоку напоминала диковинный корабль, который чудесным образом пришвартовался посреди суши.

Каждое воскресенье у подножия башни разворачивался огромный и многолюдный рынок, на котором можно было найти все – от самоваров и мебели до одежды и книг. А раз в год, в сентябре, здесь открывалась большая осенняя ярмарка урожая. В этот день и без того шумная Сухаревка превращалась в настоящий балаган: здесь не только шла торговля овощами, фруктами, соленьями и пирогами, но и давал представление уличный театр, выступали скомо-

рохи, силачи, дрессированные животные. На площади ставили качели, карусели и палатки с развлечениями на любой вкус – от гадалок до беспроектных лотерей.

В такой день по давней традиции и торговцы, и гости ярмарки рядились в костюмы. И чем вычурнее был наряд – тем лучше. Так что одноглазый пират в потрепанном старинном камзоле, сопровождавший ребенка в черном балахоне и с косой в руках, ни у кого не вызвал удивления. Разве что репортер с фотографическим аппаратом на треноге обратил внимание на необычную парочку и буквально бросился ей наперерез.

– Какие чудесные образы! Позвольте запечатлеть вас для газеты! Я из «Московского листка», эта фотография прекрасно будет смотреться на полосе. Вы же не против?

«Пират» неопределенно пожал плечами, что репортер расценил как молчаливое согласие.

– Вот сюда встаньте, пожалуйста. Да-да, возле этих ржаных снопов будет отлично. Замрите, будьте добры, и не двигайтесь. А мальчик не хочет снять капюшон?

– Это девочка. И поверьте мне, капюшон снимать не стоит, – ответил за нее «пират», а маленькая фигура в плаще энергично помотала головой из стороны в сторону.

Через несколько минут репортер высунулся из-под черной ткани, закрывающей сзади фотографическую камеру, и показал поднятый вверх большой палец.

– Интересно, что он подумает, когда проявит свою пластину, а рядом с тобой никого не окажется? – спросила девчонка, когда журналист ушел.

– Надеюсь, что посчитает это дефектом аппарата. Мало ли какие странности случаются. Ну, куда хочешь пойти вначале?

– Давай посмотрим, что они там насобирали и навыващивали.

Они двинулись вдоль торговых рядов, которые ломились от съестного изобилия. С погодой москвичам сегодня повезло: с утра на небе не было ни облачка, светило яркое солнце, и площадь, усеянная опавшими листьями, переливалась всеми цветами желтого, оранжевого и красно-багряного. Между рядами лотков и прилавков были расставлены «заборчики» из утрамбованных брикетов сена и перевязанных лентами пшеничных и ржаных снопов.

Год оказался урожайным, и приехавшие на ярмарку торговцы выставили лучший товар, что называется, лицом. Вокруг высились горы круглых кочанов капусты, отборной картошки, свеклы и моркови, золотились репки, свешивались гроздья луковиц, связанные в «косы». Дальше шли фруктовые ряды, и от их сладкого запаха начинала кружиться голова. Груши, сливы и вишни, виноград и айва из южных краев, брусника и рябина, малина и ирга... Возле прилавка с отборными красными яблоками девчонка подергала своего спутника за рукав и требовательно произнесла:

– Купи.

Он взял два и протянул ей одно. Из широкого черного рукава выпросталась худая рука с красно-зеленым браслетом на запястье и забрала плод. Через мгновение откуда-то из-под капюшона раздался громкий довольный хруст.

– Боги смерти едят только яблоки, – донеслось оттуда спустя пару секунд.

– С чего ты так решила?

– Эх ты, классику надо знать. Хотя, что я... Тебе до этого еще лет восемьдесят дожить осталось.

– В такие моменты я не уверен, что желал бы этого.

– А кто тебя спрашивает. Наслаждайся, тебе раз в год позволено куда-то выбираться.

– А я и наслаждаюсь. – Он тоже откусил от яблока. – Отличный сорт, кстати.

Они шли вдоль рядов, пиная легкие сухие листья, когда девчонка вдруг остановилась и замерла.

– Что такое? – спросил «пират».

– Мне надо отлучиться на минуту. Побудь тут.

– Я думал, мы пришли отдыхать.

– Ну, извини, что у меня не бывает выходных. Я быстро.

Огрызок из-под плаща полетел в солому. «Пират» его поднял, осмотрелся по сторонам и, не найдя урны, положил в карман. Потом присел на спрессованный брикет из сена и продолжил есть яблоко, лениво посматривая на окружающих.

Вокруг была сутолока и привычный базарный гам. Продавцы нахваливали товар, покупатели громко торговались, вдалеке играла шарманка... А потом шум изменился. В него вдруг вклинилось тарахтение двигателя, за ним послышался невнятный гул, ропот голосов, тихие выкрики, потом глухой удар... Завершилось все чьим-то истошным визгом. Люди вокруг «пирата» засуетились и забегали, невдалеке начала кучно собираться небольшая толпа, в которой происходило какое-то движение. Голоса набирали громкость, раздался пронзительный свист, еще один...

«Пират» сидел совершенно спокойно, не обращая никакого внимания на поднявшуюся суматоху, и продолжал грызть яблоко. Через пару минут из толпы, придерживая косу одной рукой и капюшон другой, протиснулась девчонка и плюхнулась рядом на сено.

– Ну что? Поработала? – небрежно спросил мужчина.

– Ложная тревога. Встретила одного старого знакомого. Ты, кстати, его тоже знаешь, он тебе кое-что вернул этой весной.

– А, тот самый. Ну, тогда я не удивлен, что тревога ложная.

– И так каждый раз. – Девчонка поболтала ногами в воздухе, покрутила в руках косу и попыталась «подрезать» стоящие рядом снопы. – Кстати, там проходит выставка гигантских овощей. Не хочешь посмотреть? Говорят, один крестьянин вырастил луковицу весом в пять килограммов.

– И что с ней такой большой делать?

– Понятия не имею. Может, разрезать ее и посмотреть, сколько людей вокруг зальются слезами?

– Или сварить луковый суп на сто человек. Если что-то приятного и было в Париже в прошлом году, так это суп...

* * *

– Митя, ты в порядке? – Огромные и тревожные Сонины глаза оказались совсем рядом, а солнце пробивалось сквозь ее рыжие волосы, которые буквально полыхали на свету. Картинка была очень яркая и красивая. Смазывала ее лишь чья-то пронзительная трель, доносившаяся издалека и заглушавшая взволнованный голос.

Соня склонилась над Дмитрием Самариным, который в последний момент все-таки не удержался и упал, основательно приложившись головой о булыжник. На его счастье, Сухаревскую площадь сегодня основательно усыпали листьями и сухим сеном, иначе...

– Кажется, я все еще жив. – Дмитрий приподнял голову и ощупал небольшую шишку на затылке. – А что случилось вообще?

– Тебя чуть не раздавило гигантской тыквой, – сообщила Соня, а потом повернулась назад и добавила, обращаясь к кому-то: – Да перестаньте уже свистеть, умоляю! Все в порядке, опасность миновала.

Трель сразу же прекратилась, и Самарин, приподняв голову, рассмотрел в нескольких шагах городского, который до этого так самозабвенно свистел. А рядом с ним – ту самую гигантскую тыкву, из-за которой пару минут назад все и произошло и из-за которой Дмитрий нечаянно приложился затылком о булыжник и на несколько секунд потерял связь с реальностью.

Тыкву привезли на грузовике на ярмарку урожая на Сухаревке как раз в тот момент, когда Дмитрий вместе с Соней прогуливался невдалеке. Они остановились возле огромного плаката, извещавшего о том, что в Москве впервые пройдет выставка овощей-гигантов. Перед плакатом выстроилась композиция в виде грядки с рыхлой землей, из которой торчала верхушка огромной репки с пышной зеленой ботвой. Сама репка сделана была из папье-маше и покрашена в жизнерадостный желтый, а «хвост» – из толстой проволоки и папиросной бумаги.

– Только на Сухаревской ярмарке! – прочитала Соня на плакате. – Гигантская двухметровая морковь японского сорта «манкупуджи». Кабачок весом в пять пудов. Подсолнечник-титан окружностью полтора метра. Можешь себе вообразить?

– Не очень, пока не увидел их вживую, – признался Самарин.

– И тыква-великан, выращенная в Астрахани, – добавила Соня. – Кстати, а это не ее ли как раз собираются выгружать? Давай подойдем поближе.

Между торговыми рядами очень осторожно сдвигал задним ходом грузовик, в кузове которого возвышалось что-то округлое и оранжевое.

– Поберегись! Осторожно! – покрикивал на зевак городской, следивший за порядком.

На великанскую тыкву хотели посмотреть все, и у грузовика образовалась небольшая давка. Автомобиль остановился возле высокой треноги из бревен, сооруженной намеренно, чтобы уложить гигантский овощ на выделенную для него площадку. Несколько рабочих, перекинув толстый канат через железный блок сверху, зацепили крюками веревки, которыми была обвязана тыква, и при помощи ручной лебедки начали поднимать ее в воздух.

Конструкция опасно поскрипывала, а тыква, медленно покачиваясь, снялась со своего места в грузовике. Если верить новостям в газетах, вес ее совсем немного не достиг тонны, остановившись на цифре 969 килограммов. Работа по переносу требовала большой точности и аккуратности, так что за выгрузкой народ наблюдал, затаив дыхание.

– А то как грохнется, – сказал шепотом какой-то мужичок.

– Типун тебе на язык, – ответили ему.

Тыква не грохнулась, но была близка к тому, потому что в самый напряженный момент одна из веревок вдруг лопнула и хлестнула по ногам стоявшего рядом Самарина. Он покачнулся, теряя равновесие. Следом оборвалась еще одна веревка, и гигантский овощ, зависший в воздухе, вдруг начал угрожающе раскачиваться. На мгновение показалось даже, что он вываливается из сетки и сейчас вправду упадет на головы собравшихся.

В этот момент в толпе уже началась легкая паника. А Самарин, все еще пытаясь устоять на ногах, вдруг получил сильный удар в спину от тыквенного бока и полетел на булыжники. Тыква пролетела над ним, задев по касательной. В этот момент и раздался истошный женский визг: кому-то показалось, что овощем-великаном человека раздавило в лепешку.

Обошлось. Тыкву в последний момент поймали и уложили на мягкую соломенную «подушку», а Самарин отделался шишкой на голове и легким замешательством. Он схватился за чью-то протянутую руку и поднялся на ноги, отряхиваясь от сена.

– Я в порядке, в порядке, – ответил он на взволнованные возгласы вокруг, а потом подхватил Соню под руку. – Пойдем отсюда.

Убедившись, что пострадавший не очень-то и пострадал, толпа утратила к Самарину всякий интерес и облепила тыкву со всех сторон, а несколько шустрых мальчишек уже пытались на нее вскарабкаться.

– Я очень за тебя испугалась, – сказала Соня.

– А я даже не успел, – усмехнулся Самарин. – Согласись, это была бы очень нелепая смерть. «Московский полицейский раздавлен гигантской тыквой». Так и вижу этот заголовок в газетах.

– Все шутишь. – Она сжала его локоть сильнее. – Ой, смотри! Пушкин предлагает предсказания. Давай попробуем узнать судьбу?

- От Александра Сергеевича я прорицаний еще не слышал.
- Так тем интереснее.

Мужчина, наряженный Пушкиным, в кудрявом парике и с пышными бакенбардами, стоял у большой картонной коробки, набитой свернутыми в трубочку бумажками. Огромные красные буквы на боку коробки извещали: «Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок! Литературное гадание для господ, купцов, барышень, приказчиков и всякого честного народа. Ученая птица вынет вам билет судьбы: любовный, денежный, смешной или предостерегающий. Цена билета – 3 коп.».

Ученой птицей при «Александре Сергеевиче» служил обычный сизый голубь, который по сигналу вытаскивал бумажки. Желающих погадать на судьбу было предостаточно, и Дмитрию с Соней пришлось даже отстоять небольшую очередь.

Перед ними предсказание тянул щуплый господин с желтоватым лицом и в коричневой шляпе, который цепко прижимал к себе потертый кожаный саквояж. Он отдал «Пушкину» деньги, тот постучал ногтем по коробке, и голубь тут же выхватил оттуда белую трубочку. Господин забрал у птицы бумажку, развернул, пряча от посторонних глаз, громко хмыкнул и произнес: «Какой вздор!» Сунул предсказание в карман и быстро удалился, держа саквояж под мышкой.

Дмитрий Самарин отдал предсказателю пятак и копейку – за двоих.

– Извольте, барышня. – «Пушкин» щелкнул пальцами, забрал у птицы трубочку и протянул Соне.

– «Молчание украсит тебя сильнее усов. Особенно если усов у тебя нет», – прочитала она и рассмеялась. – Совершенный вздор! Митя, давай ты.

Он тоже развернул бумажку. Предсказание было коротким: «На тебя прольется дождь успеха!» Самарин зачитал его вслух и машинально посмотрел на безоблачное небо.

Следующие полтора часа они с Соней гуляли по ярмарке: прокатились на каруселях, посмотрели на танцующего под шарманку медведя, на фокусника, который показывал новомодный английский трюк, якобы распиливая свою помощницу напополам. И наконец устроились на задних скамейках уличного театра, где шло балаганное представление с небольшими забавными сценками. У Мити в руках был бумажный кулек с калеными орехами, у Сони – печеные яблоки с медом.

На подмостках разыгрывалась маленькая история, посвященная квартирному вопросу. Длинный худой актер стоял с узелком в руках и картонной табличкой на груди: «Ищу комнату». Напротив него, уперев руки в бока, возвышалась дама в помятом чепце с нарисованной на щеке огромной «мушкой» и связкой ключей такого размера, что ими можно было колоть сахарные головы.

– Комнату ищу! – жалобно объявил актер. – Светлую, чистую, в приличном квартале.

– Есть комната, – важно ответила домовладелица. – Пожалуйста ко мне, во Второй Нижнекривосарайский переулок, будет вам лучшая комната.

– А где это? Я и места такого не знаю.

– В самом что ни на есть центре! Вот как от Большой Кисельной наверх, через Мясной, Молочный, Луков переулок, да под мостик, да через церковку, да мимо кладбища, да за складами – вот там он и есть.

– А дом-то хоть новый у вас?

– Новее некуда! При царе Иване построен!

– Шестом?

– Первом!

Публика хохотала и хлопала. Найти в Москве приличное жилье в хорошем квартале и вправду было сложно. Актеры между тем продолжали:

– А сколько стоит будет?

– Недорого. Всего десять рублей в месяц. Дрова ваши, свечи ваши, удобства во дворе. За стол доплата отдельно. Тараканы мои, зато бесплатные.

Из-за печки, нарисованной на заднике, высунулась фигура в коричневом костюме, с торчащими на голове длинными усами из проволоки.

– А вот и неправда! – пробасил «таракан». – Мы теперь отдельно оплачиваемся. Всякая живность нуждается в правовом положении!

Зрители взвыли от восторга. Тараканы и мыши, увы, оставались практически неистребимыми даже в самом пристойном жилье.

Потом актеры сыграли еще несколько сценок на такие же злободневные темы: автомобили против извозчиков, низкое жалование, крестьянин в большом городе... Это было весело и остроумно.

Самарин улыбался и делал вид, что не замечает, как кулек с орехами стремительно пустеет, хотя сам почти к нему не прикоснулся. И поймал себя на мысли, что готов смотреть хоть самое скучное представление на свете, если рядом будет Соня.

И все же спустя какое-то время выступление закончилось. Соня встала, отряхнула платье от ореховых скорлупок и огляделась по сторонам. Ярмарка была в самом разгаре, и кажется, они успели посмотреть здесь уже все. Но уходить отсюда все равно не хотелось.

Самарин тоже оглядывался и вдруг заметил невдалеке пристава, возле которого активно жестикулировал и что-то горячо объяснял худой господин в шляпе. Вид его показался Дмитрию знакомым: и точно, это был тот самый мужчина, что тянул перед ними билет с предсказанием. Сейчас господин выглядел очень взволнованным и тревожным. А пристав с участливым видом его слушал и кивал.

– Что там? – Соня тоже повернулась в их сторону. – Кажется, что-то случилось. Пойдем узнаем?

– Ты уверена? – засомневался Дмитрий. – Я сегодня не на службе. Думаю, они и сами разберутся.

– А тебе разве не интересно? – Она улыбнулась и заправила рыжую прядь за ухо. – Мне, например, очень интересно.

Подойдя ближе, оба убедились, что у господина в шляпе действительно случилась беда.

– Тысяча рублей! – восклицал он, заламывая руки. – Все деньги, что мне хозяин доверил, чтобы станки купить! Он же меня убьет!

В руках у мужчины уже не было кожаного саквояжа, который он прижимал к себе с такой нежностью еще пару часов назад. Пристав, встретившись с Самариным глазами, едва заметно кивнул – они были знакомы.

Полиции на ярмарке сегодня было с избытком: московские власти заранее позаботились о том, чтобы на празднике не случилось беспорядков. Такие большие сборища любят не только приличные горожане и приезжие, но и карманники, мошенники и прочая публика сомнительного толка. Оттого на Сухаревке нынче было больше городских и приставов, чем обычно. К одному из приставов и бросился господин в коричневой шляпе, но уже без саквояжа. Дмитрий с Соней оказались рядом и тоже выслушали его историю, которая оказалась краткой, но драматичной.

Господина звали Акимом Акимовичем Рябининым. Приехал он из Подольска, где служил старшим приказчиком у местного промышленника, владельца небольшой мастерской жестяных изделий Виссонова. Последний и поручил ему встретиться на Сухаревской ярмарке с человеком, который должен был показать Рябину образцы машин – станков для мастерской. Если товар окажется подходящим, приказчик должен был внести продавцу задаток, тысячу рублей.

Встреча, по словам Акима Акимовича, должна была состояться около двух часов дня, а до того времени приказчик просто гулял по ярмарке, глазел по сторонам, смотрел представ-

ления, ел и пил – в общем, убивал время, как мог. Где-то между деревянными лошадками и горячим сбитнем он и умудрился потерять саквояж с задатком. И теперь пристав подробно выспрашивал у пострадавшего, где и когда тот видел свою поклажу в последний раз.

– Так как раз перед целительским шатром! – ответил приказчик. – Я туда пошел лечиться, а Антон Палыч мне и сказал, что саквояж лучше снаружи оставить.

– Лечиться, значит? А от чего? Не похожи вы на больного.

– Порчу снимать, – драматически произнес приказчик. – Сглаз на мне.

– Порчу... – недоверчиво произнес пристав, а Соня, не удержавшись, прыснула в кулак. Аким Акимович посмотрел на нее с укоризной.

– И вовсе ничего смешного, барышня. Дурной глаз – штука опасная, может и к смерти привести.

– А кто, говорите, вам предложил саквояж снаружи оставить? – спросил Самарин.

– Сам Антон Палыч! Чехов! Он же врач, а врач плохого не посоветует.

– Он умер пятнадцать лет назад, это вас не смущает?

– Ну, это же не повод для того, чтобы растерять врачебные навыки! Он во мне порчу, между прочим, и нашел.

– Так, – остановил приказчика пристав. – Пока мы тут не запутались, кто жив, а кто умер, пойдемте туда, где вы саквояж оставили. Там на месте и будем разбираться.

Самарин искоса посмотрел на Соню, которая успела за это время достать блокнотик и карандаш и быстро записывала туда весь разговор. Кажется, волей-неволей они оба оказались втянуты в это дело.

– Вы не возражаете, если я вместе с вами туда пройду? – спросил Самарин пристава и, получив согласие, добавил, обращаясь к Рябинину: – Я тоже из полиции. Сейчас не на службе, но стало любопытно поучаствовать.

– Двое лучше, чем один, – обрадовался тот, а потом недоверчиво повернулся к Соне. – А барышня?

– А барышня тоже хочет помочь, – ответила Соня и закрыла блокнотик, вставив карандаш между страниц. – Пойдемте же быстрее, очень хочется увидеть призрак Чехова.

* * *

– Этот кабачок похож на ярмо. Или на оглоблю. – Лица девчонки из-под капюшона по-прежнему не было видно, но голос выражал очевидный скептицизм.

– Зато представь, как десяток таких кабачков мог бы полностью решить продовольственный вопрос в какой-нибудь небольшой деревне, – возразил ее собеседник.

– Думаешь, они для этого выращивают такие большие овощи? Чтобы накормить всех голодных? Нет. Это всего лишь соревновательный дух, который в людях неистребим.

– И что в этом плохого? На этом, как я убедился за много лет, и строится развитие общества. На стремлении сделать что-то лучше других, достичь невозможного, поставить перед собой, казалось бы, невыполнимую цель и прийти к ней.

– Ну не знаю... По-моему, единственная сфера, в которой они стремятся расти, – так это в методах обмана ближнего. И здесь они очень хорошо преуспели. Посмотри вон на того мужчину с булкой.

– В синей рубаше?

– На него. Булку он купил в хлебном ряду за копейку, потом в масляном попросил намазать ее французским маслом. Перепробовал три сорта и выбрал лучший. И что он делает теперь?

Мужчина, о котором шла речь, держа хлеб в ладони, лениво прогуливался по рыбному ряду. Этот угол ярмарки был одним из самых пахучих, особенно тот, где в ряд стояли неболь-

шие бочки с селедкой. Рыбы – астраханские, архангельские, керченские и даже голландские, если верить надписям, – смотрели белесыми глазами из мутноватого рассола.

Рядом же торговали живыми щуками, окунями, карасями и раками в жестяных лоханях. А чуть поодаль на прилавках был продукт более изысканный: толстые белуги в полный человеческий рост, стерлядки, желтые от жира на разрезе, осетры – свежие, соленые и вяленые. И конечно же, икра: черная зернистая, паюсная, ястычная, оранжево-красная кетовая, золотистая щучья и судачья...

Мужчина с булкой медленно прошел вдоль икорного ряда, остановился возле прилавка и протянул руку:

– А ну-ка, любезный, намажь мне на хлеб белужьей. Так ли она хороша?

– Извольте, самая что ни на есть лучшая. – Торговец зачерпнул ложкой рассыпчатой икры и уложил небольшой горочкой на булку.

Мужчина откусил, медленно прожевал, хмуря брови и надувая щеки, и вынес вердикт:

– Что-то горьковата.

И перешел к соседнему прилавку, где снова попросил:

– А давай-ка твоей паюсной теперь испробую.

Лоточник отрезал ножом от плотной темной массы кусок и положил на подставленный хлеб. Дегустация повторилась – с тем же набором ужимок и гримас на лице, после чего ушлый мужичок огласил приговор:

– Неплоха, но слишком солоновата.

И пошел к следующему прилавку. Булки у него в руке оставался еще изрядный ломоть. «Пират» проводил его меланхоличным взглядом:

– Каждый изворачивается, как умеет. Между прочим, эти торговцы тоже преуспели в ухищрениях ради того, чтобы продать ненадлежащий товар. Это игра без победителя.

– Все – дырка от бублика, – притворно вздохнула девчонка. – А этот дурак с саквояжем сейчас останется без саквояжа.

– Хочешь вмешаться?

– Ни в коем случае. Это, как говорят, вне моих компетенций. Но посмотреть будет интересно.

* * *

– Вот тут я саквояж и оставил. – Аким Акимович указал на низкую лавочку перед входом в целительский шатер и даже заглянул под нее в надежде обнаружить пропажу. Под лавочкой обнаружился лишь конфетный фантик и шелуха от семечек.

– А почему вы его с собой в шатер не взяли? – спросил пристав.

– Так Антон Палыч сказал, что надо без багажа идти. А то порча на него перекинется.

– То есть вы просто оставили чужие деньги на видном месте на улице? – удивился Самарин.

– Во-первых, я никому не говорил, что там деньги! – Приказчик так же удивленно уставился на сыщика. – Во-вторых, я саквояж под лавочку припрятал. Ну и доктор сказал, что за ним присмотрят, пока он сглаз с меня снимать будет.

– И как же он это определил? – спросила Соня. – Он вам диагноз за минуту поставил?

– За пять секунд, – с гордостью ответил Аким Акимович. – Он мне рукой перед лицом провел – и я чихать начал без остановки. А это верный признак сглаза.

– Ну-ка, посмотрите на меня, любезный. – Самарин поманил приказчика пальцем, и тот приблизил лицо вплотную. Дмитрий провел пальцем по усам Рябинина, а потом внимательно рассмотрел палец. – Понятно, от чего вы чихали.

– От сглаза, ясно же!

Сыщик, не обращая на него внимания, повернулся к приставу и негромко сказал:

– Отправьте городских, пусть поищут на ярмарке господина, переодетого Чеховым. Худощавый, темноволосый, борода клинышком, на носу пенсне. И, если я не ошибаюсь, в карманах у него будет перец.

Пристав отдал распоряжения, а Соня тем временем заглянула в шатер.

– А тут пусто! И куда же делся Антон Павлович?

– И правда пусто! – Приказчик тоже сунул голову внутрь. – Наверное, за снадобьями ушел.

– Что ж, он вас не долечил, выходит? – насмешливо спросил Самарин.

– Очень сложный случай, – вздохнул Рябинин. – Вот, смотрите, он тут на спичках мою порчу проверял.

Он схватил стакан, стоявший на низком столике, – там в воде, наполовину погрузившись, плавали несколько сгоревших спичек.

– Видите? – Аким Акимович встряхнул стакан. – Почти утонули! А когда он мне показывал – вообще столбами стояли!

Соня выловила из воды одну и переломила целый кончик в пальцах, потом показала остальным:

– Смотрите, тут булавка внутри. Неудивительно, что они тонут. А если держать стакан за дно, а в ладони спрятать магнит...

– Эх хитро придумано, – почесал голову пристав.

Приказчик выглядел слегка растерянным, когда поставил стакан обратно.

– А яйцо? – вдруг воскликнул он. – Он еще яйцом мне по рукам провел, потом при мне разбил, а оно внутри черное оказалось. Где-то оно тут должно быть... а, вот оно!

И все четверо уставились на протухшее яйцо в ведре и вздохнули. Причем Самарин, Соня и пристав – саркастически, а приказчик Рябинин – крайне печально.

Когда все четверо вышли обратно на улицу, пристав подозвал еще одного городского и оставил его в шатре на случай, если «доктор» вернется. А также подозвал мальчишку-помощника, дал ему подробное описание саквояжа и попросил передать сведения всем дежурящим на ярмарке полицейским. Любого, кто будет замечен с похожим саквояжем, следовало задерживать немедленно.

– Так где вы, говорите, Антона Палыча встретили? – спросил Дмитрий у приказчика.

– Возле репки, ну, где огромные овощи. Как раз после того, как со Львом Николаевичем поговорил.

– С кем?

– Со Львом Николаевичем Толстым, – возмущенно ответил Рябинин и посмотрел на Самарина как на невежду. – Знать надо русских писателей. А еще полицейский называется.

– Да что вы мне тут голову морочите! – взорвался вдруг пристав. – Чехов, Толстой! Кого еще из мертвых авторов вспомните? Может, вы сами деньги спрятали, а теперь пытаетесь нас запутать? Решили чужое добро себе присвоить, а всем сказать, что оно украдено?

– Да вы, да как... – Приказчик открывал и закрывал рот, не в силах произнести что-то в ответ – так возмутило его заявление пристава.

– Спокойно, – вмешался Дмитрий. – Аким Акимович, вас никто ни в чем не обвиняет. Просто рассказ ваш... кажется слишком сказочным. Чехов, Толстой... словно против вас ополчилась вся русская литература.

– Да разве ж она ополчилась? Они мне, наоборот, помогали! Как бы я еще узнал, что мне грозит смертельная опасность?

– Кто вам это сказал?

– Лев Николаевич и сказал. Великий человек! Вот тут я его встретил. Борода длинная, взгляд ясный, сам босиком. Он мне ладонь на голову положил и говорит: «Мир движется впе-

ред благодаря тем, кто страдает». Я отвечаю, мол, Лев Николаевич, и вовсе я не страдаю. Он отвечает: «Никто не знает, проживет ли он до вечера. А тебе, мил человек, грозит большая беда, лучше бы знающему человеку показаться». И рукой махнул так – как раз в сторону шатра. И пошел себе. Ну я и понял это как знак.

– Бред какой-то. – Пристав снял фуражку и поскреб лысину. – Ну бред же?

– Не совсем, – ответила Соня. – Никаких призраков на ярмарке, конечно, нет. Но есть кое-что другое.

И она указала на небольшой фанерный щит, где красовалась надпись:

«Вниманию почтеннейшей публики!

На Осенней ярмарке состоится состязание двойников русских писателей. Приглашаются лица, сходные бакенбардами, усами, очками, походкою и видом с известными сочинителями. Дозволяются парики, накладные бороды и приличествующие костюмы.

Премии: за первое сходство – 25 рублей, за второе – 15 рублей, за третье – 10 рублей.

Начало состязания – в третьем часу пополудни».

* * *

– А помнишь давку на Ходынском поле? – Девчонка шла в толпе, и народ перед ней чудесным образом как будто растворялся. Может, оттого, что она довольно небрежно помахивала косой, и попадаться под острое лезвие никому не хотелось. А может, потому что маленькая фигура выглядела слишком мрачной, и переходить дорогу смерти, пусть и ряженой, было слишком дурным знаком.

– Отчего же, как не помнить, – ответил «пират». – Полторы тысячи убитыми, причем без единого выстрела или укола ножом. Задохнуться в толпе – я, честно говоря, не могу представить себе смерти хуже.

– А все жадность, – притворно вздохнула девчонка. – Стоит человеку услышать слово «даром», и он становится сам не свой. И готов рвать других на куски и работать локтями, лишь бы получить желаемое, даже если вещь ему совсем не нужна.

– Я бы назвал это не жадностью, а страхом прозевать выгоду. А вдруг завтра эта вещь пригодится? Нет, такой момент нельзя упустить. Это дает маленькую иллюзию победы.

– Если бы завтра стали раздавать счастье даром для всех, то население этой планеты поубивало бы друг друга в стремлении первым схватить удачу за хвост.

– Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Они так любят повторять эту пословицу к месту и не к месту, но как будто совершенно не задумываются о ее смысле.

– Кстати, о мышеловках... – Она остановилась возле ящика, на котором рябой верткий парень катал между трех ореховых скорлупок зеленую горошину. – Не попытать ли мне удачи?

– Даже если ты заранее знаешь ответ?

– Суть в процессе, а не в результате.

«Пират» только покачал головой и тоже остановился возле ящика. Развлечение было старым как мир. Кажется, у римлян оно называлось *acetabula et calculi* – чашки и камешки. В разное время вместо чашек использовались кубки, наперстки или даже скорлупки, как здесь, но принцип был один: надуть игрока.

Вот и сейчас от верткого молодца отходил явно расстроенный купчик, только что проигравший все деньги. А молодец уже зазывал новых игроков:

– Айда к Гришке – играть в кошки-мышки! Ставь гривенник – ищи горошинку! Найдешь – заберешь два! Кто найдет – тот молодец! Не толкайтесь, господа. Горошина одна, а желающих разбогатеть – вся Москва! Ну что, дядя, попытаешь удачи? – обратился он к «пирату».

Тот молча достал десять копеек и бросил. Гришка ловко поймал монету и начал быстро вертеть и хлопать скорлупками по ящику. Ловчил Гришка и впрямь неплохо: крутил обманные

пассы, делая вид, что перекачивает горошину слева направо и наоборот, хотя она оставалась на месте. «Пират» следил за этими фокусами одним глазом, даже не пытаясь запомнить. Наконец «хоровод» остановился.

– Ну что, дядя, где горошина?

– Пусть девочка укажет, у нее рука легкая, – ответил «пират».

Из широкого рукава вытянулась маленькая ладонь с красно-зеленым браслетом на запястье и перевернула среднюю скорлупку. Под ней оказался зеленый шарик.

– Ну надо же! И вправду легкая! – наигранно рассмеялся Гришка. – Крутим дальше, дядя?

«Дядя» молча кивнул.

– Смотри, публика почтенная, игра у Гришки честная! Не верьте соседу, не верьте жене, не верьте мне – верьте глазам своим! Ну, что теперь выберешь? – Руки снова ловко заметались над ящиком и застыли.

– Эта. – Девчонка накрыла указательным пальцем левую скорлупку и перевернула. Вокруг раздалась радостные возгласы. Снова угадала.

Третий круг Гришка крутил уже как-то без воодушевления и почти без прибауток. И снова девчонка выбрала верно и кивнула ему, чтобы продолжал игру. Так прошло еще пять или шесть игр, и в каждой из них девчонка умудрялась выигрывать. Народ вокруг заинтересованно перешептывался и выражал восхищение такой удачливостью. А Гришка все больше мрачнел.

– Ну все, Гришка, смерть твоя пришла, – пошутил кто-то из толпы.

– А чего такая маленькая-то? – огрызнулся он.

– А я не за тобой, за твоей канарейкой, – раздалось из-под капюшона. – Крути давай.

– Нет у меня канарейки, – ответил Гришка, но скорлупки вертеть все-таки начал – еще быстрее обычного. Скорлупки лихорадочно замелькали в воздухе, где-то между ними иногда мелькало что-то зеленое.

– Ну что? Где теперь? – спросил он спустя несколько секунд и усмехнулся.

– Нигде, – сказала девчонка. – То есть под скорлупой горошины нет. Она у тебя большим пальцем к ладони прижата.

– Что? – возмутился тот и обвел глазами публику. – Люди добрые, что же это творится-то? Честного человека облыжно обвиняют! Ты, девочка, языком не мели, а выбери одно. А не хочешь выбирать – так и иди отсюда, не мешай играть другим!

Девчонка вдруг выпростала из длинного рукава и вторую руку и ловко перевернула все три скорлупки на ящике. И все три были совершенно пусты.

– Так вот же она! – Гришка вдруг нагнулся и сделал вид, что поднимает горошину с земли. – Так старался, что уронил! А потеря – не обман!

В этот момент к «пирату» наклонился широкоплечий мужик, что все это время стоял рядом, наблюдая за игрой, и тихо произнес:

– Шел бы ты отсюда, дядя, подобру-поздорову вместе с девочкой своей. Пока живы оба.

– Вы не поверите, любезный. – «Пират» широко улыбнулся, показав ровные белые зубы. – Мы с ней всегда будем живы. А игра ваша нам и самим уже наскучила. Идем? – Он протянул руку девчонке.

– Погоди. – Она нагнулась над ящиком и прошептала что-то Гришке в самое ухо, отчего он побледнел, потом покраснел, а потом и вовсе пошел зеленоватыми, в цвет горошины, пятнами. – Теперь все.

Она крепче перехватила косу и взяла своего спутника за руку.

– А выигрыш? – крикнул им в спину широкоплечий.

– Оставь, – махнул рукой «пират». – Гришке быстрее пригодится.

– Поглядим, как там дурак с саквояжем? – спросила девочка. – Как думаешь, ему уже вернули пропажу или нет?

– Думаю, они пока добрались до Льва Николаевича...

* * *

– Вот он! – мрачно произнес пристав, указывая рукой направо. – Лев Николаевич собственной персоной. Он же?

– Точно он! – закивал Аким Акимович.

Переодетый «Толстой» стоял у прилавка со сладостями и горячо убеждал торговку во вреде пищевых излишеств, держа при этом в руке надкушенный медовый пряник.

Выглядел он и вправду очень похоже. Особо роскошной вышла борода – длинная, седая. Может, даже и не накладная, а своя. Холщовая рубаша, подпоясанная веревкой, сидела на «Леве Николаевиче» слегка мешковато. Обуви на нем не было, и босые ступни уже слегка посинели от холода. Солнце хоть и припекало сверху, но земля, несмотря на постеленную солому, уже была холодной. Сентябрь все-таки.

– Лев Николаевич? – обратился к нему Самарин.

Ряженный повернулся к сыщику, обратив к нему ясный, строгий и слегка осуждающий взгляд.

– В миру, сударь, я всего лишь бедный служитель истины.

– Это очень кстати. Истина нам как раз и нужна. Вы сегодня беседовали с этим господином? – И Дмитрий указал на стоявшего рядом Рябинина.

– Со многими я сегодня беседовал, – уклончиво ответил «Толстой». – Народ жаждет слова от мастера словесности.

– Вы его отправили к целителю.

– Я? – искренне удивился «Лев Николаевич». – Лучший целитель – это мать-природа. А главные болезни человека нравственные, а не телесные – страсть, похоть, злоба, страх, ложь...

– Хватит мне тут Ваньку валять! – гаркнул вдруг пристав. – Имя, фамилия, возраст, род занятий!

– Ферапонт Лукич Ключарев, пятидесяти двух лет. Актер я, – обиженно отозвался «Толстой». – Зачем же вы так кричите? Я не приемлю насилия ни в каком виде.

– Вы так на состязание двойников оделись? – спросила Соня.

– Намереваюсь взять первый приз.

– Выглядите довольно убедительно.

– Вы зачем, Ферапонт Лукич, приказчику страшными карами грозили, а? Кто вас надомил? – не успокаивался пристав.

– Я? – снова неподдельно изумился «Толстой». – Слушайте, я ведь в роль вошел ради убедительности. А Лев Николаевич, сами знаете, когда проповедовать начинал, не мог остановиться и сам уже не помнил, что наговорил. Хорошо, за ним Софья Андреевна записывать успевала.

Софья Николаевна, которая в эту минуту тоже успевала все записывать в блокнотик, едва заметно улыбнулась и перехватила Митин взгляд – он тоже оценил это внезапное совпадение и подмигнул ей.

– Вы сказали, что мне грозит большая беда и лучше бы знающему человеку показаться, – вклинился в беседу Аким Акимович. – И рукой вон туда махнули, где целительский шатер.

– И как? Помогло? – участливо поинтересовался актер.

– Еще как! – горячо закивал приказчик. – Вы были правы, порча на мне. Была. Ее с меня там сняли. Я, правда, саквояж после этого потерял. Это, конечно, тоже большая беда, но не такая страшная, как проклятие. Так что вы, Лев Николаевич, как в воду глядели.

– Ну вот. – «Толстой» пригладил длинную бороду. – Я в проклятия и сглаз как разумный человек, конечно, не верю. Не снаружи к человеку пристает порча, а изнутри растет: от

неправды, страха и корысти. Так что, мил человек, тебе не о теле надо думать, а о душе. Тогда и волнение твое утихнет, и пропажа отыщется.

– Вы мне зубы тут не заговаривайте, Ферапонт Лукич! – не унимался пристав. – Кто вас нанял, чтобы приказчику подыгрывать, а?

– «Нанял» – слишком грубое слово. Пригласил к участию в малом художественном предприятии.

– Кто? Только не говорите, что Пушкин!

– Ну, вообще-то Пушкин и нанял, – смиренно отозвался «Толстой». – За пять рублей. Просто попросил по сигналу сказать кое-кому несколько туманных фраз. О здоровье, страхе и необходимости показаться доктору. Что в этом такого?

– Да в общем-то ничего криминального, – задумчиво отозвался Самарин. – Но все вместе уже напоминает какую-то хитрую схему. А что за сигнал был?

– Мальчишка должен был показать на нужного человека. Мелкий такой, бегают тут где-то. Он мне про вас, господин в шляпе, и сказал.

– Который из них? – огляделся по сторонам Самарин. В толпе шныряли несколько мальчишек неопределенного рода занятий.

– Так я и не упомянул, – развел руками «Толстой».

– Погодите. И скольких человек вы так в шатер отправили? – прищурился пристав.

– Так в том-то и дело, – ответил «Лев Николаевич», – что их и отправлять туда не нужно было. Просто немного... озадачить. Не припугнуть даже. А кто куда после этого пошел – сие мне неизвестно.

– Так скольких вы за сегодня озадачили?

– Трех.

– Ну, и где этот ваш Пушкин?

– А у него лоток с предсказаниями и голубем, который бумажки таскает. Возле входа.

– Так я его тоже знаю! – просиял Рябинин. – Он же мне подсказку и дал насчет вас, Лев Николаевич. Где же она... – Он зашарил в карманах и вытащил оттуда свернутую в трубочку бумажку. – Вот! Тут написано: «Сегодня встретишь льва не в клетке и не на гербе. Внемли ему! Он носитель истины». Я тогда посчитал это полной ахинеей – ну где бы я встретил льва. А теперь как понял!

Самарин, Соня и пристав понимающе переглянулись. А Дмитрий забрал у Рябинина бумажку и еще раз внимательно прочитал. Предсказание и вправду казалось на первый взгляд полной чепухой, но вкупе со всем остальным, напротив, выглядело слишком прямолинейным. Не то что размытое пророчество про дождь успеха.

Определенно хитрая схема мошенников начинала выстраиваться, и складывалась она вокруг таких же, как этот суеверный приказчик, гостей ярмарки. А значит, изобретательный план следовало понять и раскрыть как можно быстрее, пока не пострадал кто-нибудь еще.

– Так... – Пристав подозвал жестом очередного городского – благо их сегодня на Сухаревке было более чем предостаточно. – Сопроводи этого ряженого в целительский шатер и ждите там дальнейших распоряжений. Если туда доктор «Чехов» явится – обоим никуда не пускать.

– А состязание двойников как же? – обиженно отозвался «Толстой». – Оно через полчаса начнется!

– Ферапонт Лукич, боюсь, сейчас ваша главная проблема – как выиграть состязание «Не попади в кутузку», – ответил Самарин. – Послушайте пристава. Пока не ясно, вы в этом балагане участвовали по глупости или по злему умыслу, – лучше вам побыть под присмотром.

– Произвол! – возмутился «Лев Николаевич», но сопротивляться не стал, а пошел прочь, сопровождаемый городовым. – Я, между прочим, не приемлю насилия ни в какой форме!

– Вы или Толстой? – спросила Соня.

– Оба!

Пристав тяжело выдохнул, снова снял фуражку, протерев платком вспотевшую лысину, уставился на своих неожиданных помощников и мрачно произнес:

– Ну что – идем искать Пушкина?

* * *

– «Невероятный паноптикум», – прочитал «пират» надпись перед входом в большую палатку. – Великие люди, правители, полководцы, злодеи. Все фигуры в натуральную величину! Вход взрослым – 20 коп., дети бесплатно.

– Всемирная история из воска, тряпок и стеклянных глаз, – скептически заметила девчонка. – Тщетная попытка воспроизвести оригиналы. И вообще, роль личности в истории сильно преувеличивают. Тебе ли не знать.

– А я бы заглянул. Всегда приятно встретиться со старыми знакомыми.

– Ну, если ты хочешь...

Внутри палатки был густой полумрак и висел отчетливый запах пыли, воска и нафталина. Восковые фигуры стояли вразнобой, освещаемые снизу лишь тусклыми керосиновыми лампами, что, по мнению устроителей, должно было придать им зловещий вид.

Но выходило, напротив, довольно гротескно, потому что свет подчеркивал несовершенство лиц и некоторую ветхость одежды восковых кукол. То, что издали казалось роскошным бархатом и шелком, вблизи оказывалось довольно поношенными нарядами, с которых облетела почти вся блестящая мишура.

Видно, аттракцион давно не обновлялся: и фигуры, и вся обстановка вокруг них в виде картонных колонн, фанерных тронов и бумажных пальм казались дешевой бутафорией из провинциального театра. Неудивительно, что внутри палатки не обнаружилось других посетителей.

Первой им попалась фигура Наполеона Бонапарта, копирующая знаменитый портрет кисти Давида. Император был облачен в бело-синий камзол с жестяными орденами на груди и стоял в характерной позе, засунув правую руку за борт мундира.

– По-моему, при жизни он был выше, – задумчиво заметил «пират».

– Слишком буквальное прочтение *le petit caporal*¹, – ответила девчонка. – Если ты заметил, в России его не особо жалуют, а в Москве – и подавно. Могли бы вообще сделать карликом, посетителей бы это только обрадовало.

– Но эта глумливая ухмылка... Не было у него такой. Он, конечно, бывал вспыльчив и даже театрален, но такого выражения лица я не помню.

– Разумеется. Враг должен быть смешон, ему нельзя придавать хоть сколько-нибудь приятные черты, а тем более наделять величием. Зато собственный правитель, напротив, должен выделяться. – И девчонка задрала голову, рассматривая огромную фигуру Петра Великого. – Не царь, а Царь-Гора.

– Он, конечно, был высок, но не настолько, – согласился с ней «пират». – Но правитель был крайне интересный. Опередивший свое время, как это принято говорить.

– С ним пришлось повозиться. Почти две недели. Крайне выносливый организм.

Они прошли дальше и остановились возле восковой фигуры, изображавшей царицу Клеопатру – с роскошным сине-золотым немесом² на голове и золотой коброй на лбу. Неизвестный скульптор постарался придать правительнице неотразимую красоту, которой она, судя по некоторым источникам, обладала.

¹ Маленький капрал – прозвище Наполеона Бонапарта (*фр.*).

² Немес – царский головной убор в Древнем Египте.

– Ну, к женщинам я всегда был более снисходителен, – заметил «пират». – Женщина всегда желает запомниться потомкам более красивой, чем была при жизни. А тем более женщина на троне. Скульпторы и художники всегда безбожно льстили правительницам. Вспомнить хотя бы императрицу Екатерину.

– У Клеопатры хотя бы был прекрасный голос, и она отлично умела с его помощью манипулировать людьми. Редкое умение. А насчет красоты... Люди с удивительной изощренностью умеют ее испортить. Была тут одна актриса. Вернее, в твоём времени ещё не была. Но, я думаю, не разрушу интригу, если расскажу эту историю раньше.

– Изволь, я совсем не против.

– В общем, у неё случилось большое несчастье, и она решила попрощаться с этим светом. Нашли её утром в её постели. Но кому-то из газетчиков такая новость показалась слишком банальной, и он пустил слух о том, что актриса якобы захлебнулась собственной рвотой и нашли её с головой в ватерклозете.

– И этим слухам поверили?

– Они готовы поверить любой выдумке, особенно если она выставляет кого-то в омерзительном ракурсе. И это до сих пор меня удивляет. Они поклоняются актерам и певцам, восхищаются их талантом и красотой. Но стоит пустить мерзкий слух – и они с тем же наслаждением начинают сплетничать и обсуждать самые тошнотворные подробности о своих кумирах.

– Я бы предположил тут банальную зависть, но, мне кажется, не все так просто. Людям нравится смотреть, как рушится идеальный образ. Это громко и драматично. И потом, разрушение мифа – это тоже часть поклонения, разве нет? Всего лишь две стороны одной медали.

– Прелестно. Сначала они делают из кого-то символ, а потом сами требуют доказательств, что символ фальшив, когда он совершает какую-нибудь глупость. А ведь их совершают все. Идеальных нет.

– Я давно перестал кого-либо идеализировать.

– А это что? – Девчонка вдруг замерла перед очередной фигурой. – Безобразие.

Это была даже не восковая кукла, а скелет, одетый в длинный черный плащ и державший в руке косу.

– Что не так? По-моему, весьма правдоподобно.

– Ерунда. Скелет мужской, коса ржавая и не наточена, плащ не шерстяной, а из крашеной рогожи. И тут продешевили. Даже из смерти умудряются сделать плохой театр.

– Ты просто придираешься. Думаю, эта фигура тоже пользуется популярностью.

– Что-то мне здесь стало скучно. – Девчонка чихнула из-под капюшона. – Пыль веков навевает на меня тоску. Пойдем обратно. Хочу узнать, чем закончится история с саквояжем.

– Пожалела дурачка-приказчика?

– Ни капли. Просто любопытно, как разберется сыщик. Ты же знаешь, у меня с ним особые отношения.

– Знай я тебя меньше, мог бы решить, что ты к нему привязалась, – усмехнулся «пират».

Девчонка не ответила, лишь косой отодвинула полог палатки и выбралась наружу.

* * *

К лотку с предсказаниями Самарин, Соня, приказчик Рябинин и пристав подошли без особой надежды застать на месте «Пушкина». Так и оказалось: на прилавке осталась лишь картонная коробка с надписью «Сказка ложь, да в ней намек!». А рядом сидел на жердочке нахохлившийся сизый голубь. К лапе его была привязана тонкая бечевка, не дававшая птице улететь.

Впрочем, он к этому и не стремился. Крутившийся рядом рыжеволосый мальчишка лет десяти с баранкой отщипывал от нее крошки и угощал голубя. При виде такой представи-

тельной делегации мальчишка кормить птицу перестал, выпрямился и сделал лицо настолько невинное, что Самарин сразу заподозрил за ним что-то неладное.

– А Пушкин где? – спросил пристав.

– Кто? – удивился мальчишка и усердно поморгал зелеными, как крыжовник, глазами.

– Прорицатель хренов, владелец этого балагана.

– А... Так это. Ушел.

– Куда ушел?

– На состязание двойников. А мне поручил посторожить. Сказал: «Ты, Митрошка, придержи за коробкой и птицей». – И мальчишка снова отломил кусок баранки и протянул голубю.

– Ты, значит, у него на подхвате? – поинтересовался Самарин.

– Ага, – кивнул мальчишка. – Поручения всякие выполняю. За гривенник.

– А не ты ли, отрок, не далее как полчаса назад Льву Николаевичу на этого господина указал? – сурово надвинулся на него пристав и ткнул пальцем в Акима Акимовича, отчего тот нервно дернулся.

– Кому? – снова непонимающе вылутился Митрошка и на всякий случай сделал шаг назад.

– Босому старцу с длинной бородой, – подсказала Соня.

– А, этому... Ну да. Кудрявый меня попросил.

– Вот оно, сходится, – удовлетворенно заметил пристав.

– Что сходится? – нахмурился Митрошка и снова сделал шаг назад, словно собираясь бежать.

Пристав его опередил, цепко схватил за плечо и произнес: «Стоять».

– Пожалуйста, не пугайте ребенка, – вмешалась Соня. – Он, кажется, ни в чем не виноват.

– Не виноват я, барышня! – жалобно взвыл Митрошка.

– Это мы еще выясним, – отрезал пристав. – Какое твое участие в этом деле.

– Да ничего я не делал! Просто старику трех человек показал – и все! Матушкой клянусь!

– Все будет хорошо, – успокоила его Соня и достала из сумочки леденец. – Держи вот и ничего не бойся. Мы во всем разберемся. И если ты не виноват, ничего тебе не будет.

– О, медовый, – обрадовался мальчишка, мгновенно забыв про мнимые страхи.

А Самарин внимательно рассматривал коробку, набитую бумажками. Потом достал одну наугад, развернул, прочел, положил обратно. Достал следующую, тоже прочитал. На лице его появилось задумчивое выражение.

– Что там? – спросила Соня.

– Да не пойму пока. Это обычные глупые предсказания – такие же, какие достались нам с тобой. Если «Пушкин» намечал простака вроде Акима Акимовича, ему должно было достаться определенное предсказание, которое отправило бы его к «Толстому». А как понять, какое именно нужно? Они же тут все вперемешку.

– А бумажку доставал голубь... – Соня рассеянно постучала карандашиком по блокноту в руке и вдруг просияла. – Я кое-что вспомнила! Когда он нам делал предсказания, то просто щелкал пальцами – и голубь вытягивал трубочку. А когда Акиме Акимовичу – то по коробке постучал. Может, это что-то значит?

– По коробке? – нахмурился Самарин. – Точно, припоминаю что-то. Кажется, вот здесь, да.

Он постучал по углу коробки, и голубь тут же выхватил оттуда трубочку. Дмитрий забрал, развернул и не сдержал радости:

– Есть! Такое же послание, как и у Рябины. Видимо, особенные предсказания хранятся в одном углу, и птица по сигналу достает именно оттуда. А для обычных посетителей и пророчества самые обычные.

– Эх хитро придумано, – прищурился пристав. – Значит так, надо эту коробку и голубя изъять. В качестве вещественных улик.

– Согласен, – сказал Самарин и передал коробку Рябину. – Подержите пока, Аким Акимович. И берегите как зеницу ока, а не как ваш потерянный саквояж.

Потом он аккуратно снял голубя с жердочки, и вся их пестрая компания направилась в ту сторону, где через десять минут должны были начаться состязания двойников. Наверное, со стороны они представляли довольно странное зрелище, но только не в этот день, когда вокруг встречались ряженые в самых странных костюмах.

С учетом этого даже ненастоящий Пушкин никого не удивлял. Только никто не мог представить, что на состязание соберутся тринадцать Пушкиных. Тринадцать кудрявых гениев русской словесности с пышными бакенбардами.

– Чтоб мне провалиться! Куда же их столько? – воскликнул пристав, обведя глазами сборище «Александров Сергеевичей».

На площадке, где должны были пройти состязания, собрались около сорока участников. Конечно, были среди них и Чеховы, и Толстые, и Гоголи. Встретилась даже парочка суровых Достоевских и миловидных Лермонтовых. Но Пушкиных, конечно, было больше всего. И держались они обособленно, что для группы «ярмарочного следствия», конечно, было очень кстати, но не решало пока главную проблему: как найти среди тринадцати Пушкиных нужного.

На свою память Дмитрий не полагался – у прилавка предсказателя он, откровенно говоря, разглядывал не «Пушкина», а любовался Соней. Она же сама, судя по растерянному взгляду, тоже не запомнила особые приметы «Александра Сергеевича». Рост у ряженных, разумеется, слегка разнился, и одежда была не совсем одинаковой. Но определить, кто именно заведовал прорицательским балаганом, было крайне затруднительно.

– Это они нарочно, что ли, так придумали? – Пристав почесал ухо. – Чтобы всех запутать?

– Не исключая. Так, Аким Акимович, на вас вся надежда. – Самарин отдал голубя Соне, а сам забрал у приказчика коробку. – Посмотрите внимательно на этих людей и скажите, кто из них выдал вам предсказание.

Аким Акимович переводил взгляд с одного «Пушкина» на другого, старательно пучил глаза, и на лице его все больше проступали растерянность и непонимание. Спустя несколько томительных минут он повернул голову к Самарину и произнес трагическим шепотом:

– Я не помню. Они же все одинаковые.

– Посмотрите еще раз, внимательнее.

– Я уже, – простонал приказчик. – Чем больше смотрю, тем больше они мне кажутся близнецами. Я ведь даже одежду не запомнил. Все пропало, все пропало...

– Может, вы голос его узнаете? – спросила Соня.

– Так он и не говорил почти. Вы ведь тоже там были, слышали.

– Что же делать? – Соня покусала губы. Признаться, она тоже не запомнила ни особых примет, ни манеры разговора «Пушкина», потому у прилавка предсказателя смотрела совсем не на него, а на Митю.

– Погодите! – вмешался пристав. – У нас же еще один свидетель есть! – И он выдвинул вперед Митрошку, которого все еще придерживал за плечо. Мальчишка продолжал увлеченно грызть леденец и смотрел на сборище литературных гениев с нескрываемым восторгом. – Так, парень, ну-ка, скажи мне, какой из этих кудрявых тебя нанял?

– А? – Митрошка поднял на пристава веснушчатое лицо и захлопал глазами. – Я не знаю, дяденька пристав. Их бы и мать родная не отличила.

– А ты хорошо посмотри! – рявкнул пристав. – Дурака мне тут не валяй! Как деньги брать – так запомнил у кого, а как опознать нужного человека – так сразу память отшибло?

– Ай! – Митрошка вжал голову в плечи и икнул, проглотив от неожиданности леденец. – Вы меня, дяденька, не пугайте, у меня от этого падучая может начаться!

– А, чтоб тебя! – Пристав замахнулся было, чтобы отвесить мальчишке подзатыльник, но, наткнувшись на укоризненный Сонин взгляд, сделал вид, что просто хотел поправить фуражку.

Соня протянула Митрошке еще одну конфету, и он ее тут же забрал, словно по волшебству успокоившись.

– Кажется, я придумал, что можно сделать. – Самарин поставил коробку на землю и забрал у Сони голубя, который все это время смирно дремал у нее на руках, прижатый к мягкой шерсти пальто, а Дмитрий все это время голубю откровенно завидовал. – Птица ученая, трюкам обучена, а значит, и хозяина, который ее учил, должна знать.

И сыщик, развязав бечевку на лапке, размахнулся и подбросил птицу вверх. Голубь захлопал крыльями, пролетел над головами и без всяких колебаний приземлился на плечо одного из «Пушкиных». Тот попытался было его стряхнуть и сделать вид, что он тут ни при чем. Но голубь свой очевидный выбор сделал. А пристав дал знак городовому, и тот цепко ухватил нужного «Пушкина» за рукав.

– Увы, наш круг час от часу редет, – ехидно заметил кто-то из оставшихся «Александров Сергеевичей».

– Это недоразумение! – попытался возмутиться «Пушкин» с голубем, но его никто не послушал.

А пристав повернулся к Самарину, Соне и приказчику Рябинину, который снова схватил коробку с предсказаниями и обнял ее крепко, как старого друга:

– Прошу всех пройти в целительскую палатку. Кажется, мы близки к развязке.

Теперь их компания стала еще живописнее за счет русского поэта с птицей на плече. И вся эта пестрая группа собралась в небольшой палатке, где уже ждали «Лев Николаевич» и нашедшийся доктор «Чехов» в сопровождении городских. Внутри стало довольно тесно.

– Вот и вся шайка в сборе! – удовлетворенно резюмировал пристав. – Ну что, господа хорошие, тут признаемся или в участок поедем? Или, может, сразу в арестантскую? Посидите там, подумаете?

– Я вам не шайка, а великий русский поэт! – возмутился «Пушкин».

– Ну, тогда с вас и спрос выше, – парировал пристав.

– С покойников вообще спросу нет.

– Вы определитесь уже, живой вы или мертвый. Имя, фамилия, род занятий?

– Пушкин. Александр Сергеевич. Поэт.

– Да чтоб вас!

– Погодите, – остановил пристава Самарин. – Настоящие имена мы обязательно выясним. Сейчас важнее понять другое: какую роль кто из них сыграл в этой обманной схеме и куда все же делся саквояж, потому что ни у кого из них, как видите, его нет.

– А на нет и суда нет! – выкрикнул «Пушкин».

– Обманная схема? – «Чехов» элегантно жестом поправил пенсне. – Боюсь, произошло недоразумение. Я всего лишь давал шуточные консультации. И этих господ я вижу впервые.

– Как и я, – пробубнил «Толстой». – Я вообще стараюсь придерживаться нравственных принципов.

– Запираются, шельмы, ты посмотри, – хмыкнул пристав.

– Схема определенно есть, – продолжил Самарин. – И она довольно проста. Господин, называющий себя Пушкиным, давал не только предсказания, но и указания. Обычным посетителям он выдавал всякую шутивную ерунду, а некоторым – особые бумажки. Птица тащила их по условному сигналу.

– А как он выбирал этих некоторых? – спросил пристав.

– Полагаю, по внешнему виду и поведению. Посмотрите на Акима Акимовича. У него же на лице написано, что он в Москве гость, наивно всему верит, а еще несет саквояж с деньгами.

– Я никому не говорил, что там деньги! – возмутился Рябинин.

– А это и не нужно было. Вы так страстно прижимали его к себе и оглядывались, что только дурак не догадался бы, что внутри. Что дальше? Рябинину досталась бумажка про льва. Тут в дело вступил наш юный помощник Митрошка (тот при этих словах гордо приосанился) – он, как было велено, подошел ко «Льву Николаевичу» и указал на приказчика. «Толстой», в свою очередь, сказал Акимовичу несколько тревожных слов о беде и здоровье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.